

Докатившись до нынешней точки, южноевропейская операция группы НАФ-А под руководством Пэй И оказалась в подвешенном состоянии. Назвать ее полным провалом было нельзя, но и до успеха оставалось далеко — пока все окончательно зашло в тупик.

Общими усилиями оперативникам удалось предотвратить тщательно спланированное покушение. Но цена оказалась слишком высока: подняв на ноги всю городскую полицию, они получили лишь изувеченный труп наемника-шатена, чью личность так и не смогли установить. Тот, кто напал на театральную актрису, легко ушел от преследования, а затем кто-то среди бела дня ликвидировал шатена прямо на улице. Сработано было чисто, профессионально — почерк мастера экстра-класса. В МКИА до сих пор ломали голову: были ли эти два неуловимых убийцы одним и тем же лицом?

Следствие буксовало. Единственное, что оставалось, — задержать весь персонал Королевского дворца в Казерте и допросить каждого. Но начальник охраны, взявший взятку у заговорщиков, оказался непроходимым кретином: отрабатывая грязные деньги, он даже в глаза не видел нанимателя и не смог выдать ни одной зацепки.

За этим видимым затишьем скрывалась лихорадочная невидимая работа. Напряженное противостояние продолжалось: теперь все решало время — кто окажется быстрее, оперативники или призрачный кукловод?

Театр при отеле-замке по-прежнему стоял закрытым, все показы на выходных отменили. Местные газеты и радиостанции хранили гробовое молчание о причинах простоя, обходя тему неудавшейся биологической атаки за версту — боялись массовой паники. Впрочем, куда вероятнее, что местный бизнес попросту дрожал за туристический сектор. Кому захочется подрывать экономику портового города и портить статистику прибылей от круизных лайнеров и отелей?

Переезжать Чжан Шаочи не собирался: он твердо решил остаться именно здесь, причем в том же самом номере.

Пэй И выбор одобрил. В гуще событий было куда проще раздобыть ценные сведения.

Босс Чжан, сохраняя свой привычный величественный вид, проследовал к лифту под деликатным руководством портье в белых перчатках. Дверцы сомкнулись, карта скользнула в приемник, и кабина плавно пошла вверх.

Пэй И, опустив ресницы, шагнул следом. На нем не было ни темных очков, ни кепки.

Да и к чему теперь конспирация, если они только что устроили бурную сцену в машине на подземной парковке? У Пэй И проснулся здоровый пофигизм. В этой неаполитанской заварушке он раскрылся полностью: враг остался в тени, а он оказался как на ладони. Эти ублюдки умудрились раскопать даже его оперативный шифр — НАФ-А. Дерзость небывалая, по сути — открытый вызов.

У него оставалось два пути: подчиниться приказу руководства и немедленно вернуться в Китай для отчета либо под благовидным предлогом задержаться здесь и продолжить неофициальное расследование. Сдаваться Пэй И не умел. Неудачи лишь раззадоривали его, заставляя действовать жестче и напористее.

В тишине лифта Чжан Шаочи слегка отставил локоть и скосил глаза на спутника:

— Ну же, детка.

Пэй И недоуменно приподнял бровь:

— М?

Шаочи выразительно зыркнул на свой локоть: «Чего уставился? Не видишь, место для тебя держу? Поласковой давай, не чужие ведь. Или я свой локоть кому попало подставляю?»

Пэй И не выдержал и прыснул. На губах заиграла ленивая улыбка. Подавшись ближе, он обхватил мускулистую руку своего «второго дяди».

Стоило слегка расслабиться, и он тут же превратился в ласкового кота, прильнувшего к плечу хозяина. Раз уж грозному боссу так важно потешить свое эго — почему бы и нет?

Кем они вообще сейчас были друг другу?

Да просто... два приличных господина, у которых в романтической стране и не менее романтическом городе завязалась страстная интрижка. Идеальное прикрытие для посторонних глаз, объясняющее, почему два взрослых мужика вместе поднимаются в один номер посреди ночи.

У дверей номера Чжан Шаочи уже занес руку с ключ-картой, но Пэй И перехватил его запястье.

Бизнесмен недоуменно нахмурился.

Пэй И осторожно прижал ладонь к дверному полотну. Тончайшая чувствительность пальцев позволяла уловить малейшие колебания — обычный человек ничего бы не почувствовал, но профессионал с одного прикосновения мог распознать присутствие чужака за дверью.

Он прижал указательный палец к губам, приказывая молчать.

Чжан Шаочи мгновенно подобрался, рука сама собой потянулась к кобуре за спиной.

Пэй И замигал замком, ловко и бесшумно разблокировал электронный засов и, толкнув дверь, с ходу залился кокетливым, звонким смехом:

— Ну перестаньте, босс Чжан... У вас такие шаловливые ручки, да и колени так и прижимаются...

Чжан Шаочи мысленно выругался: «Какого черта он несет? Где это мои руки шалят?!»

Пока разыгрывался этот слащавый спектакль, Пэй И успел бесшумно рвануть вперед, сканируя комнату цепким взглядом. Заметив, как колышется занавеска, он одним мощным толчком вылетел на балкон.

В номере был чужой.

Незваному гостю, пытавшемуся уйти через окно, повезло куда меньше, чем самому Пэй И во время его недавнего побега. Шаочи только и успел заметить, как Пэй И гибкой тенью перемахнул через перила и ринулся вниз.

Зрелище было не для слабонервных: задетый в пылу погони тяжелый цветочный горшок полетел в бездну.

Земля и осколки с грохотом пронеслись в сантиметре от уха Пэй И. На внешней стороне балкона завязалась отчаянная схватка: двое мужчин сошлись в бешеном клинче — в ход пошли локти, колени, яростные удары ногами в подвешенном состоянии. Лица обоих покраснели от напряжения, на шеях вздулись вены. Сейчас все решала сила пальцев, крепость мышц пресса и отточенные за десять лет изнурительных тренировок приемы рукопашного боя.

Пэй И резким движением трех пальцев надавил на болевые точки на руке противника, мертвой хваткой державшегося за перила. Тот вскрикнул от невыносимой боли и едва не сорвался, но оперативник железным захватом перехватил его запястье.

Движения Пэй И были настолько молниеносными, что лазутчик даже не понял, как лишился собственных наручников, висевших у него на поясе. Секунда — и стальное кольцо с резким щелчком зафиксировало его руку на кованой решетке балкона.

Пэй И качнулся всем телом, зацепился ногой за выступ и подтянулся. Удерживая воющего от боли пленника, он рванул его вверх. Скованный наручниками воришка, проехавшись по перилам, буквально влетел обратно на балкон и рухнул на бетонный пол, точно мешок с картошкой.

Под изумленным взглядом Чжана Пэй И легко перемахнул через ограждение и приземлился на ноги. Стряхнув пыль с ладоней, он выглядел так, будто просто прогулялся. Любому мужчине хочется казаться героем перед тем, кто ему дорог, и Пэй И не упустил шанса покрасоваться. Он лукаво подмигнул Шаочи:

— Ну что, второй дядя, мне все еще нужно держать тебя под ручку?

Чжан Шаочи повел плечами и фыркнул:

— Держи свои лапы при себе.

Они тщательно обыскали весь номер. К счастью, жучков установить не успели. Судя по всему, этот парень пробрался сюда исключительно ради банального обыска и кражи документов.

Пэй И скинул пиджак, небрежно ослабил узел галстука и с улыбкой подошел к пленнику:

— Ну, колись, гость дорогой. Кто таков?

Парень сидел на роскошном матрасе, прикованный к спинке кровати, и злобно буравил их взглядом, намертво сжав губы. Надо признать, лазутчик был весьма недурен собой: классический итальянец с вьющейся каштановой шевелюрой, легкой растительностью на груди и крепким, атлетичным телосложением. Подтянутый, с красивым средиземноморским загаром... Пэй И, знавший толк в мужской красоте, мысленно оценил его баллов на восемьдесят пять — вполне потянет на профессионального манекенщика.

Пленник явно вознамерился играть в молчанку.

— Решил поиграть в партизана? — усмехнулся Пэй И. — Можешь не трудиться, я и сам все знаю.

— Ты хоть понимаешь, для чего предназначено ложе, на котором ты сейчас развалился? — Пэй И вальяжно оперся на спинку кровати. — Вообще-то на ней мы с моим дорогим боссом собирались провести незабываемую, бурную ночь.

Допрос принимал весьма неожиданный оборот.

— Я сам еще на нее не ложился, а ты уже тут как тут, — протянул Пэй И с притворным сожалением. — Имеешь ли ты право здесь находиться? Пожалуй, да. Ты чертовски хорош собой, приятель. Настоящий искуситель...

Глаза Пэй И хищно сузились, а двусмысленный тон не оставлял сомнений в характере предстоящих «игрищ».

Итальянец заметно побледнел. «Что этот псих задумал?»

Стоявший у него за спиной Чжан Шаочи тоже помрачнел. Его взгляд красноречиво вопрошал: «Ты что вообще творишь?»

— Раз уж ты сам пришел, глупо упускать такую возможность, — продолжал измываться Пэй И.
— Мы как раз думали, как бы разнообразить наш вечер. Почему бы нам не устроить веселье на троих? Прямо здесь... Обещаю, тебе понравится. Ты уйдешь отсюда полностью удовлетворенным.

Пленник окончательно занервничал и заерзал на месте:

— Вы с ума сошли? Больные извращенцы! Мечтать не вредно, я в вашем дерьме участвовать не собираюсь!

— Не собираешься, значит? — мгновенно ослабился Пэй И, и дружелюбие с его лица как ветром сдуло. — Мужское общество не по душе? Тогда какого хрена ты забыл в номере господина Чжана посреди ночи? Зачем пролез сюда? Искал документы, ставил жучки? На какую контору работаешь, какой у тебя позывной и кто твой куратор?!

Парень снова замолчал, упрямо стиснув зубы.

— Или пришел убрать нас? Десять дней назад в гримерке этого отеля совершили покушение на актрису. Твоих рук дело, урод?!

Едва заметное движение лицевых мышц и мгновенно сузившиеся зрачки выдали парня с головой. Наблюдательность Пэй И принесла плоды.

Плечи заложника дрогнули, он хрипло выдавил:

— Нет... Клянусь, я никого не убивал.

Губы Пэй И тронула холодная усмешка:

— Значит, про теракт в театре ты в курсе. И знаешь гораздо больше, чем обыватели. Так кто ты такой?

— Можешь помалкивать, красавчик. Твоя личность меня не волнует. Но гарантирую: сегодня ты будешь орать так, что сорвешь голос. Мы уединимся и уделим тебе максимум внимания.

Инициатива целиком и полностью оставалась за Пэй И, он виртуозно вел эту психологическую дуэль.

В следующий миг Пэй И резко вскочил на кровать.

Его высокий силуэт, источающий волны чистой угрозы, полностью перекрыл беглецу обзор. Нависнув над итальянцем, Пэй И шумно выдохнул ему прямо в лицо.

Парень опешил. «Да что он творит?!»

Пэй И без лишних слов рванул его брюки вниз, одним точным движением вытянул из шлевок кожаный ремень и со свистом опустил его на бедра пленника: раз, два, три!

Следом полетели пиджак и рубашка.

Пэй И никогда не церемонился с пленными. Женевская конвенция? Моральный кодекс? Оставьте эти сказки для прессы. Здесь действовали другие законы: не хочешь говорить добровольно — заставим.

Удары ремня посыпались один за другим.

— Какого... Ай! — парень завертелся, пытаясь прикрыться, но удары прилетали то по рукам, то по ногам. Пэй И с наслаждением наблюдал за его паникой:

— Это только разогрев. У нас припасено немало кожаных игрушек и прочих забавных девайсов. Ну что, продолжим?

— Детка, фигура у тебя — закачаешься, мой босс как раз ценит такой типаж. А любим мы погорячее, так что скучать не придется. К завтрашнему утру твои начальники и коллеги получат отличный фотоотчет о наших групповых развлечениях. Да еще и с аудиозаписью твоих стонов. Ведь ты именно об этом всю жизнь мечтал, верно?

— Нет, блядь, только не это! — парень отчаянно замотал головой. В его глазах отразился неподдельный ужас.

Чжан Шаочи, закинув ногу на ногу, молча наблюдал за этим представлением со своего дивана. Ему оставалось лишь подыгрывать образу безжалостного сутенера-наблюдателя. Помочь в таком «допросе» он ничем не мог, да и вообще сейчас предпочел бы сделать вид, что видит этого сумасшедшего оперативника впервые в жизни. Стыдоба несусветная. «Эту дикую кошку вообще нельзя выпускать к людям, — думал Шаочи. — Связать, утащить домой и запереть под замком...»

— Ну же, не тяни время, выбора у тебя все равно нет. У тебя осталась ровно минута, чтобы спасти свою задницу, честь и репутацию от посягательств двух очень крепких мужчин. Выкладывай все, дорогой. Думал, сменил прическу, наложил тон и загримировался — никто не узнает? Я отлично помню твой шейный платок. Ты ведь тот самый управляющий театром, который давал показания карабинерам в ночь покушения, я прав?

—...

Пленник ошеломленно приоткрыл рот, а затем шумно выдохнул.

Взгляд выдал его с потрохами. Впрочем, когда его легенду так быстро раскололи, парень даже почувствовал облегчение. По крайней мере, ему не придется сдавать все самому, а значит, это нельзя назвать предательством начальства. И, слава богу, анальное насилие ему больше не грозит.

Сидевший в углу Чжан Шаочи окончательно онемел. Пэй И за пару минут устроил здесь сеанс садомазохизма с раздеванием и поркой, пригрозил сомнительным компроматом, и шпион тут же поднял лапки кверху?

— Да хорош гнать пургу! — обиженно буркнул итальянец, шмыгнув носом. — Я знаю, кто вы такие. Шестой специальный отдел МКИА, я прав?

Пэй И уселся на край кровати, по-турецки скрестив ноги:

— Значит, ты из Римского филиала?

Парень, незаслуженно получивший ремня, чувствовал себя жутко оскорбленным. Тихо выругавшись по-итальянски, он нехотя кивнул:

— Да. А еще я действительно управляющий этим театром. Господин Пэй, я знаю вас, мы пересекались на инструктаже.

Пэй И поиграл ремнем, заставив кожу сухо и грозно щелкнуть:

— В день покушения в Королевском дворце Казерты... В туалете подглядывал за нами тоже ты?

— Я, — Джулиано обреченно вздохнул. — Но я искал подозреваемого! У меня и в мыслях не было за вами шпионить!

— Я знаю, — невозмутимо отозвался Пэй И.

— Тогда за каким хреном ты меня отлупил?!

Пэй И лишь рассмеялся своей вредной, наглой улыбкой и окинул торс итальянца таким плотоядным взглядом, что тот инстинктивно вжал плечи.

— Тоже мне, конспираторы, — буркнул Джулиано. — Прямо в уборной у всех на виду развлекались.

— Мы делали что хотели, — парировал Пэй И. — А вот нечего совать свой любопытный нос куда не просят.

— Так это ты подглядывал? — Чжан Шаочи лениво подпер голову рукой и выдал с самым

серьезным видом: — Хочешь присоединиться? Мы можем устроить.

Джулиано поспешно замотал головой. Хищный, оценивающий взгляд Чжана, напоминавший взгляд сытого льва перед броском, мгновенно отбил у него всякое желание шутить.

Пэй И снова покатился со смеху. Эта нелепая сцена помогла ему сбросить накопившееся за день напряжение. Он кривлялся и паясничал намеренно, чтобы хоть немного выпустить пар.

Чжан Шаочи прекрасно понимал подоплеку этого ребячества. Между близкими людьми подобные намеки читались без слов: на самом деле Пэй И безумно хотелось самому оказаться на месте этого прикованного к постели шпиона, чтобы Шаочи жестко, до хруста, отходил его ремнем, выбивая всю дурь и боль.

Закончив с допросом, Пэй И тут же сменил гнев на милость. Он отцепил наручники и протянул Джулиано его вещи:

— Ладно, мир. Как тебя зовут?

— Джулиано.

— Джулиано, — Пэй И мгновенно перешел к делу. — Итак, ты агент Римского филиала МКИА под прикрытием управляющего театром. Ответь: почему убийца выбрал именно это место и это время? Зачем нападать на актрису прямо во время спектакля? Они целились в нее... или в тебя?

Теперь они наконец могли нормально поговорить как коллеги. Джулиано быстро оделся, вернув себе прежний ухоженный и профессиональный вид. Потерев виски, он собирался с мыслями, решая, какой информацией он может поделиться с китайскими коллегами, а что обязан оставить в тайне.

— Возможно, отчасти это действительно из-за меня, — заговорил он. — Моя группа в Римском филиале вела расследование дела о производстве и контрабанде нелегального биологического оружия на средиземноморском побережье. Похоже, синдикат сумел вычислить меня и выйти на этот отель.

Чжан Шаочи, внимательно слушавший его, негромко спросил:

— А пострадавшая девушка? Кем она тебе приходилась?

Взгляд Джулиано мгновенно потух. Безмерная, удушающая тоска отразилась на его лице, заполнив комнату тяжелым, осязаемым горем:

— Она... Нина — моя невеста. Моя любимая. Это была месть. Спланированная, изощренная месть...

Так вот по какому принципу ублюдки выбирали жертву. Нина Бессото, молодая, красивая и ни в чем не повинная девушка, сейчас лежала в реанимации без сознания. Из-за введенного токсина у нее начали отказывать внутренние органы, кожа покрылась страшными язвами... Прогнозы врачей были неутешительными. Даже если аппараты жизнеобеспечения справятся, она, скорее всего, останется инвалидом до конца своих дней.

Римский филиал знал, за что пострадала несчастная, но руководство МКИА было связано по рукам и ногам — они не могли даже выразить официальный протест или предать дело огласке.

Жалел ли Джулиано о выбранном пути? Его любимая женщина умирала в темном углу за кулисами того самого театра, где он работал. Возможно, в момент нападения он находился всего в паре десятков метров от нее, но она даже не успела крикнуть. И теперь ее жизнь была разрушена. Она стала разменной монетой в чужой кровавой игре только потому, что любила его.

Каково ему сейчас? Грызет ли его чувство вины? Проклинает ли он тот день, когда надел жетон оперативника?

А ведь именно этого и добивались палачи. Заставить сломаться. Поселить в душе страх, раскаяние и слабость. Выбить почву из-под ног, чтобы шпионы бежали со службы, поджав хвосты, и больше никогда не смели переходить дорогу синдикату.

Чжан Шаочи откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза.

— Твари конченые, — глухо выговорил он.

Пэй И молча отвернулся к окну. Он долго стоял, вглядываясь в темные очертания города, пытаясь подавить поднимающуюся из глубин души глухую, яростную бурю.

Вот она, изнанка их работы.

То, чего каждый из них втайне боялся все эти годы, всегда происходило где-то рядом. Если оперативник на передовой раскрывал себя, под ударом оказывались все его близкие. Родители, друзья, любимые... Те, кого ты готов защищать ценой собственной жизни, становились беззащитными мишенями. Ты ничем не мог им помочь. Абсолютно ничем. Для безумных террористов и наркобаронов твоя привязанность была идеальным рычагом давления.

Пэй И украдкой посмотрел на Чжан Шаочи. На этот резкий, безупречный профиль, в который он был влюблен до безумия, на сильные плечи, способные подарить самый надежный приют в мире. А ведь пять лет назад у него тоже был дом. Свой собственный, теплый угол.

Чжан Шаочи тоже смотрел на него — спокойно, не отрываясь. Их взгляды встретились всего на мгновение, и Пэй И поспешно отвернулся, чувствуя, как сжалось и заныло сердце.

Он всегда все прекрасно понимал. И сколько бы побед ни числилось за лучшим агентом Шестого специального отдела, по ночам, в удушливой тишине пустых комнат, даже самые сильные воины познают ледянящий душу, первобытный страх.

<http://bllate.org/book/19434/1999015>